

не стал. Напротив, он всячески способствовал избранию юного Людовика IV, сына Карла Простоватого. Не исключено, что Гуго считал более выгодным для себя возложить корону на голову неопытного юноши, который к тому же был воспитан в Англии и плохо знал язык своих будущих подданных и, как мог надеяться Гуго, легко подчинился бы воле такого влиятельного человека, как он. Прими Гуго иное решение — и он, скорее всего, оказался бы перед лицом враждебной ему коалиции таких магнатов, как граф Вермандуа, а кандидатура шестнадцатилетнего Каролинга была приемлемой для всех.

Людовик был избран, но его позиция по отношению к Гуго оказалась

гораздо более твердой, нежели предполагал герцог. Гуго то верно служил королю, то поднимал против него мятеж. Людовик то осыпал герцога милостями и выказывал ему полное доверие, то отказывался от его услуг и отбирал ранее пожалованные владения. Их взаимоотношения достигли пика напряженности летом 945 г., когда Гуго захватил короля в плен и вернул ему свободу только в обмен на город Лан, который служил последним Каролингам столицей. Только отлучение Гуго от церкви и увещания епископов заставили его пойти на уступки и привели к его примирению с королем. После смерти Людовика в результате несчастного случая на охоте Гуго поддержал его сына Лотаря и верно служил ему. Так же поступал и наследник Гуго Великого — Гуго Капет (прозванный так благодаря головному убору — капюшону).

Король не до конца доверял своему вассалу, возможно, не без оснований. Есть сведения, что король и его елпру-га сделали даже неудачную попытку захватить Гуго Капета в плен после чего Лотарь и Гуго «жестко обрушились друг на друга, но не силой оружия, а с помощью тайных козней, так что раздоры великих мужей терзали государство в течение нескольких лет». Примечательно то, что автор этих слов употребляет по отношению к Гуго и Лотарю слово «государя» — *principes*, тем самым ставя их в равное положение. И действительно, Лотарю, владения которого уступали